

ДОН НИГРО

МАДОННА

Дон Нигро Мадонна

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64802421*

Аннотация

Двенадцать актеров (4 женские и 8 мужских ролей). Жизнь норвежского художника Эдварда Мунка, увиденная глазами Мунка и пересказанная посредством его картин. Удивительная пьеса. Полное ощущение, что идет рассказ от первого лица. Дон словно перевоплощается в Эдварда Мунка. Торжество системы Станиславского.

Содержание

Действие первое	7
1. Между часами и кроватью	7
2. Амур и Психея	12
3. Больная девушка	16
4. Ницше	21
5. Любовники	24
6. Стриндберг	27
7. В хомуте	32
8. Писатели	35
9. Весна	39
10. Автопортрет с рукой скелета	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дон Нигро Мадонна

© Дон Нигро, 2021

* * *

*«Мы трудимся в темноте, делаем, что можем,
отдаем, чем владеем. Наши сомнения – наша
страсть, а наша страсть – наша работа.
Остальное – безумие искусства».*
Генри Джеймс «Зрелые годы».

Действующие лица:

ЭДВАРД МУНК

КНУТ ГАМСУН

ДАГНИ ЮЛЬ

СОФИ МУНК

ОТЕЦ МУНКА/ГЕНРИК ИБСЕН

КАРЕН БЬЁЛСТАД

ФРИДРИХ НИЦШЕ

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

СТАНИСЛАВ ПШИБЫШЕВСКИЙ

НЕМКА/ЭВА МУДОЧЧИ/ЛАУРА МУНК

РУССКИЙ

УМЕРШАЯ МАТЬ/СЮЗАННА ИБСЕН

Декорация:

Одна декорация представляет собой все места одновременно: дом МУНКА в Экелю, его жилища в Париже и Берлине, Веймаре и Тифлисе, кафе «Черный поросенок» в Берлине, дома сумасшедших в Копенгагене, Осло и других местах в различные периоды от 1877 до 1943 г. У авансцены слева стол и стулья. В глубине сцены по центру дверь. Правее центра, под углом, кровать. Справа в глубине мольберт, обращенный к заднику, еще правее окно. Ближе к авансцене и к центру скамья, перед кроватью. Повсюду различные полотна МУНКА, лежащие на полу или прислоненные к мебели. Декорация не меняется, нет пауз между картинами. Переходы – часть спектакля. Персонажи приходят и уходят, не всегда покидают сцену, если не участвуют в картине. МУНК молодой и старый, снова молодой, насколько это необходимо, то же происходит с другими персонажами, в зависимости от контекста. Фортепьянная музыка Роберта Шумана: «Порыв» из цикла «Фантастические пьесы», опус 12.

Хотя многие события, приведенные в этой пьесе, действительно случились, некоторые происходили совсем иначе. Вы, несомненно, можете провести собственное расследование,

но на спектакле, пожалуйста, доверьтесь магии пьесы.

Действие первое

1. Между часами и кроватью

(Сцена в полумраке. Где-то на пианино играют «Порыв» Шумана, тикают часы. Свет медленно разгорается, открывая восьмидесятилетнего МУНКА, который рисует в своем доме в Экелю, неподалеку от Осло. Декабрь 1943 г. Норвегия оккупирована нацистами. Мунк работает, а темная фигура, в шубе и шляпе, из глубины слева подходит к двери, открывает ее, ранее неплотно прикрытую. Это КНУТ ГАМСУН, ему восемьдесят четыре. ГАМСУН смотрит на МУНКА, который стоит лицом к зрительному залу и увлеченно работает, не замечая ничего вокруг. ГАМСУН трижды стучит в дверь. МУНК не оборачивается. Музыка смолкает с первым словом ГАМСУНА).

ГАМСУН. Эдвард Мунк? (МУНК работает). Я слышал, ты слепнешь. А ты еще и глухой?

МУНК (не оборачиваясь, наклоняясь к мольберту). Уходите. Я занят.

ГАМСУН. Ты – Эдвард Мунк, так?

МУНК. Я – никто. Оставьте меня в покое. Неужели не видно, что я работаю.

ГАМСУН. Эдди, ты отправишь своего давнего друга Гамсуна в холодную ночь, не угостив глотком коньяка?

МУНК (*поворачивается, очень раздраженный, щурится*). Гамсун? Ты Гамсун?

ГАМСУН. Раньше был им.

МУНК. Что тебе нужно?

ГАМСУН. Мой сын сказал мне, что ты живешь здесь, вот я и решил заглянуть к тебе и убедиться, что ты жив-здоров.

МУНК (*пристально смотрит на него*). Господи, но ты — старик.

ГАМСУН. Да, как и ты.

МУНК. Я думал, ты умер.

ГАМСУН. Мунк, если ты не пригласишь меня зайти и присесть, я замерзну до смерти у тебя на пороге, а от этого будут сплошь неудобства, обещаю. Тебе придется перешагивать через меня всякий раз, когда ты будешь выходить и входить, дверь не будет закрываться должным образом, а весной, оттаивая, я начну вонять. Гораздо проще пригласить меня в дом.

МУНК. Хорошо. Войди и присядь.

ГАМСУН. Как ты добр. А дом ты отапливаешь?

МУНК. Если вспоминаю, что надо. (*Жадно смотрит на картину, которую ему мешают рисовать*).

ГАМСУН. Теперь ты должен предложить мне выпить, Мунк. Или ты совсем забыл, как положено вести себя с людьми?

МУНК. Где-то у меня есть вино. Можешь выпить, если хочешь.

ГАМСУН. Я бы выпил. Декабрь, знаешь ли, а здесь холоднее, чем на улице. Тебе надо бы лучше заботиться о себе.

МУНК (*находит бутылку вина, оглядывается в поисках посуды*). Теперь я пью только вино, и очень редко.

ГАМСУН. Это перемена.

МУНК (*находит банку, заглядывает в нее*). Да. Что-то меняется. Что-то – нет.

ГАМСУН. У меня все было очень хорошо, спасибо. А у тебя?

МУНК. Работал. Я работал.

ГАМСУН (*глядя на множество картин*). Да. Вижу. И я заметил несколько больших картин, прислоненных к стенам снаружи.

МУНК (*наливает вино в банку*). Иногда я оставляю их на какое-то время под дождем и снегом. От этого они становятся интереснее. Сотрудничество с Богом.

ГАМСУН. Я рад, что ты работаешь. Случалось, время от времени, когда услышанное о тебе вызывало страх, а вдруг ты больше не сможешь работать.

МУНК. А что еще я мог бы делать? (*Передает банку ГАМСУНУ*). В такие времена, как эти, человек делает только то, что может.

ГАМСУН. Да, я тоже делаю то, что могу. (*Смотрит в банку*). Ты смешивал в ней краски?

МУНК. Недавно – нет. Не волнуйся. Я что-то пил из нее позавчера. Забыл только, что именно.

ГАМСУН. Ладно. Все равно долго мне еще не прожить. (*Пьет*). Те времена у тебя не в почете?

МУНК. Я просто хочу делать свою работу. И чтобы меня оставили в покое.

ГАМСУН. Может, ты не ценишь настоящего, потому что помнишь, как хорошо нам было прежде, в Берлине, в «Черном поросенке». Господи, уже пятьдесят лет прошло. В те дни наше поведение считалось скандальным, так?

МУНК. Мое и теперь считается.

ГАМСУН. Ты, я и бедный Стриндберг. Тот еще псих. И поляк, чью фамилию никто не мог произнести. Как она звучала? Поппофский?

МУНК. Пшибышевский.

ГАМСУН. И, разумеется, все эти убийства. Как ужасно все закончилось. (*МУНК мрачнеет. ГАМСУН замечает, протягивает банку*). Хочешь выпить. Вино на удивление хорошее.

МУНК. Нет. Не хочу.

ГАМСУН. Она была такой красоткой, девушка, которая тебе позировала. (*Пока он говорит, появляется Дагни, юная и прекрасная, в халате. Берлин, 1893 г.*) Имя ускользает от меня, но не лицо, не тело. (*ДАГНИ устраивается на кровати*). Женщина, образ которой преследует тебя. Как ее звали?

МУНК. Те времена умерли.

ГАМСУН. Да, и это хорошо. Но при этом я часто думаю о тех днях, ажиотаже с твоей выставкой и все такое. Когда это было? В девяносто втором? В девяносто четвертом?

МУНК. В этой части история повторяется. Вновь они сжигают мои картины в Берлине.

ГАМСУН. Не сжигают, конфискуют. Дагни, вот как ее звали. Дагни Юль. Ты когда-нибудь думаешь о ней?

ДАГНИ. Я так легла, Эдди?

ГАМСУН. Думаю, ты, как минимум должен помнить ее, если ничего больше. Или твоя память тоже сдала?

ДАГНИ. Ты странный, Мунк. О чем ты думаешь?

ГАМСУН. Такую женщину забыть трудно. И, разумеется, ты знал ее лучше, чем я.

МУНК. Почему ты сюда пришел?

ГАМСУН. Я тебе сказал. Тревожусь о тебе. Ты живешь один, в твоём-то возрасте. И я хотел поговорить с тобой.

ДАГНИ. Эдди, почему ты не говоришь со мной?

МУНК. Поговорить о чем?

ГАМСУН. Ну, не знаю. Об искусстве. Здоровье. И смерти.

(Маленькими глотками пьет вино и смотрит на МУНКА, который пристально всматривается в картину на мольберте. Когда МУНК поворачивается, он будет отвечать ДАГНИ, став молодым).

2. Амур и Психея

(Апартаменты МУНКА в Берлине, 1893 г. ДАГНИ на кровати, позирует. МУНК молодой. Переход просто в изменении поведения МУНКА. ГАМСУН может оставаться на месте, старый, в 1943 г., пить вино и наблюдать, а потом, может начать рассматривать завершённые картины МУНКА, отходя все дальше от центра событий. Легкость перехода и естественное пространственно-временное перетекание критически важно, и ключевой момент – это МУНК. Мы все видим его глазами).

ДАГНИ. Ты больше не говоришь со мной, Эдди. Берлин лишил тебя дара речи? В Осло ты говорил. Почему ты не говоришь здесь?

МУНК. Потому что я работаю.

ДАГНИ. Раньше ты говорил и работал одновременно. Я думаю, теперь ты со мной застенчив. Ты стал застенчивым из-за моей красоты? Я надеюсь, что да. Я теперь выросла, так? Я надеюсь, ты думаешь, что я прекрасна. Но, разумеется, иначе ты бы меня не рисовал. Хотя это так скучно, иногда, быть столь привлекательной для мужчин.

МУНК. Я рисую и уродов.

ДАГНИ. И умирающих. Я просматривала твои картины, пока ты разговаривал на лестнице со своим другом

Стриндбергом. Почему ты не пригласил его?

МУНК. Он был пьян.

ДАГНИ. Мне очень хочется познакомиться с ним.

МУНК. Стриндберг – хороший парень, но иногда такой странный.

ДАГНИ. Меня влечет к странным. Поэтому ты мне нравишься. Не хмурься на меня. Ты нынче не в очень хорошем настроении, так? Раньше ты был куда как веселее. Почему ты рисуешь так много умирающих девушек? Я совершенно не собираюсь умирать. Может, буду жить вечно. Почему ты так увлечен умирающими девушками? Надеюсь, ты не находишь это эротичным. Это действительно мерзко, Эдди. И, похоже, это всегда одна и та же девушка, маленькая, бледная, очаровательная, но умирающая. Кто она? Какая-то немка? Может, твоя любовница?

МУНК. Моя сестра.

СОФИ (*появляется у кровати, кашляющая, в ночной рубашке, в прошлом. Дом Мунков в Осло, 1877 г. МУНК видит ее, ДАГНИ – нет*). Эдди? Можешь подойти на минуту?

ДАГНИ. Но я знаю обеих твоих сестер. Это не Ингер, которая очень красивая, но совершенно не похожа на девушку, изображенную на этих картинах, и не Лаура, у которой, думаю, не все в порядке с головой.

МУНК. Нет. Это третья моя сестра, Софи.

СОФИ. Эдди, мне холодно.

ДАГНИ. Не помню я никакой Софи. Она живет в Берли-

не?

МУНК. Она была на два года старше меня и умерла от туберкулеза в шестнадцать лет. Как и моя мать несколькими годами раньше. Ты тогда была маленькой девочкой. А теперь, пожалуйста, помолчи.

ДАГНИ. Ты никогда мне этого не говорил.

МУНК. Если ты не можешь не говорить, постарайся не двигаться.

ДАГНИ. Тебе без разницы, двигаюсь я или нет. Никогда тебя это не волновало. Ты рисуешь, что помнишь. На меня и не смотришь.

МУНК. Я смотрю на тебя. *(ДАГНИ строит гримасу, сует пальцы в рот. МУНК говорит, не глядя на нее)*. Хочешь, чтобы я нарисовал тебя с пальцами во рту? Мы назовем эту картину: «Дагни взрослая».

ДАГНИ. Поэтому ты такой грустный, Эдди?

СОФИ. Эдди, не должен ты так грустить. Мне становится грустно, когда я вижу тебе таким грустным.

ДАГНИ. Я не хочу, чтобы ты грустил из-за меня. И постарайся на меня не сердиться. Я всегда говорю то, что думаю, это вопрос принципа. Я не хочу, чтобы ты возненавидел меня. Ты – мой единственный друг в Берлине. И такой милый, что позволил мне остаться здесь, с тобой.

МУНК. Правда? Ты живешь здесь?

ДАГНИ. Разумеется. Куда еще мне идти? И я взрослая. Думаю, ты это видишь. Поэтому и стал таким застенчивым.

МУНК. Хорошо. Мы можешь оставаться, если пообещаешь, что просто заткнешься.

ДАГНИ. Я заткнусь, если ты пообещаешь не испытывать ко мне ненависти.

МУНК. Обещаю не испытывать к тебе ненависти.

ДАГНИ. Хорошо. Ловлю тебя на слове. Надеюсь, обещания ты выполняешь. Большинство мужчин – нет. Как я слышала.

МУНК. А женщины выполняют?

ДАГНИ. Я – нет, потому что никогда ничего не обещаю. Это часть моего обаяния. Правда?

МУНК. Да. Если на то пошло, да.

(ДАГНИ улыбается).

3. Больная девушка

(Дом МУНКОВ в Осло, 1877 г. СОФИ проходит ближе к авансцене и садится на скамью. ДАГНИ остается на кровати, а Берлине, будучи, наконец-то, примерной натурщицей. МУНК идет к СОФИ, когда она говорит).

СОФИ. Эдди, я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.

МУНК. Почему ты встала? Нельзя тебе вставать с кровати, Софи.

СОФИ. Надоело мне все время сидеть на кровати и ничего не делать. А кроме того, я хочу поговорить с тобой. По важному делу. Я тревожусь о тебе, Эдди. О том, что с тобой произойдет. С тех пор, как я заболела, ты такой озлобленный, ушел в себя, обижен на весь мир. Ты слишком молод, чтобы обижаться на весь мир. Я хочу, чтобы ты пообещал мне, что таким не останешься. Ты должен верить, что Бог любит нас, и есть у него причины для того, что он делает.

МУНК. Я не верю в Бога.

СОФИ. Не должен ты так говорить. Как можно такое сказать! Бог тебя услышит. Бог нас любит. Я знаю, что любит. И если заставляет страдать, на то есть веская причина. Просто мы с тобой слишком юные и печальные, чтобы эту причину осознать.

МУНК. Да что это за Бог, если заставляет тебя так стра-

дать?

СОФИ. Ты говоришь, что это за Бог, если заставляет ТЕБЯ так страдать?

МУНК. Нет, я могу понять Бога, который заставляет меня страдать. Без сомнения, я это заслужил или скоро заслужу. Но он не имеет права заставлять страдать тебя. Ты ничего не сделала.

СОФИ. Глупыш, не можешь ты устанавливать правила для Бога, а потом наказывать его, отказываясь в него верить, если он твои правила нарушает. Этим ты наказываешь только себя, и меня, и папу, и всех, кто тебя любит. Пожалуйста, пообещай мне, что попытаешься поверить в Бога, и в его доброту, и примешь его. Ради меня.

МУНК. Не могу.

СОФИ. И кто у нас жестокий? Ты говоришь о жестокости Бога, но жесток ты. Отказываешься выполнить мое единственное желание, когда я так больна. (*Расстроенная, начинает кашлять*).

МУНК. Софи, извини, я...

(Она кашляет кровью в носовой платок. Появляется отец в сопровождении тети КПРЕН, сестры умершей матери МУНКА, которой около тридцати).

ОТЕЦ. Эдвард, что ты делаешь? Опять расстраиваешь ее? И почему она не в кровати?

СОФИ. Нет, все хорошо, папа. Я просто хотела, чтобы Эдвард мне кое-что пообещал. Ты должен это сказать, Эдди.

Просто скажи мне. Скажи, что ты будешь верить в Бога и его доброту. Скажи это.

МУНК. Я буду верить в Бога и его доброту.

СОФИ. Поклянись мне.

МУНК. Клянусь.

СОФИ. Спасибо, Эдди. Теперь я счастлива. Очень счастлива. Ты хороший мальчик. Действительно, хороший. *(Снова кашляет)*.

КАРЕН. Пойдем, Софи. Тебе надо прилечь и отдохнуть. Пойдем.

(С тревогой смотрит на ОТЦА и МУНКА, уводя СОФИ).

ОТЕЦ. Почему ты постоянно расстраиваешь ее? Бог ее спасет, если будет на то его воля.

МУНК. Бог, Бог, вы все только и говорите о Боге. А ты, между прочим, врач, папа. Почему бы тебе не перестать говорить о Боге и сделать что-нибудь, чтобы помочь ей? Потому что ты не можешь спасти ее. Ты не можешь спасти ее, и Бог не может спасти ее, точно так же, как ни один из вас не смог спасти маму, так что в вас хорошего? Вы оба самозванцы.

ОТЕЦ. Я делаю то, что могу. Вылечиваю тех, кого могу вылечить. Остальное в руках Бога, и у него есть свои причины.

МУНК. Какие причины?

ОТЕЦ. Я не знаю, но не сомневаюсь, что они есть.

МУНК. Если ты не знаешь его причин, как ты можешь

утверждать, что они у него есть? Я думаю, что ты, как доктор и ученый, должен понимать, что твое поклонение такому Богу, который безразличен, бессилен, невероятно злобен или безумен...

ОТЕЦ (*хватает МУНКА за плечи и трясет*). **Я НЕ ПОЗВОЛЮ ТЕБЕ ГОВОРИТЬ ТАКОГО В МОЕМ ДОМЕ! НЕ ПОЗВОЛЮ!**

КАРЕН (*возвращаясь*). Прекрати. Прекрати, а не то Софи тебя услышит.

МУНК. Я знаю только одно: этот Бог убивает мою нежную и прекрасную сестру, тогда как мой отец, давший клятву при малейшей возможности спасти жизнь, защищает этого безмозглого убийцу.

ОТЕЦ. БОГ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ЗАЩИТЕ!

МУНК. Тогда почему ты всегда защищаешь его?

КАРЕН. Позор вам. Позор вам обоим. Что вас больше заботит? Ваши дурацкие аргументы или Софи, которая умирает? Я пришла в дом моей умершей сестры, чтобы заботиться о ее детях, а не слушать, как вы кричите друг на друга, словно взбесившиеся обезьяны. Или вы это прекратите, или я уеду, забрав Софи с собой.

(Отец смотрит на нее, поворачивается и уходит. КАРЕН и МУНК смотрят друг на дружку).

ДАГНИ. Ты ее очень любил.

МУНК. Это я обсуждать не хочу.

ДАГНИ. Бедный, грустный мальчик. (*КАРЕН касается*

лица МУНКА). Извини, больше я говорить об этом не буду. (КАРЕН целует МУНКА в щеку и уходит). Эдди, хочешь заняться со мною любовью?

(МУНК смотрит вслед КАРЕН).

ГАМСУН (возвращается с маленькой картиной, 1943 г.)

Она была такой красоткой, эта Юль.

ДАГНИ. Это нормально, если ты хочешь. (МУНК смотрит на ДАГНИ).

ГАМСУН. Что время делает с нами! Воспоминания и боль, переплетенные вместе.

ДАГНИ. Я буду только рада, если ты хочешь.

ГАМСУН. Я нашел эту вон в той стопке. Это Ницше, так? Когда ты нарисовал Ницше?

(Появляется НИЦШЕ, безумный, с всклооченными волосами, большими усами, в Веймаре, 1890-е гг. ДАГНИ забирается под одеяло и снимает халат. Мы видим ее голые плечи, когда она подтыкает одеяло под руки и смотрит на МУНКА).

ДАГНИ. Ты не должен, если не хочешь, но я думаю, что хочешь. Ты, похоже, такой одинокий.

ГАМСУН. Мунк? Ты слышал, что я сказал?

МУНК (обращаясь к ГАМСУНУ). Почему ты пришел? Я хочу знать, почему ты пришел?

4. Ницше

(Когда НИЦШЕ начинает говорить, МУНК поворачивается к нему, и он в Веймаре, 1890 гг., в том самом доме, где безумный НИЦШЕ живет со своей сестрой).

НИЦШЕ. Ты. Почему ты здесь?

МУНК. Я пришел, чтобы нарисовать ваш портрет. Ваша сестра сказала, что можно. Она – мой хороший друг.

НИЦШЕ. У великих людей нет сестер. У художников нет друзей. Ты знаешь, кто я?

МУНК. Вы – Фридрих Ницше, великий философ.

НИЦШЕ. Нет, я – нет.

МУНК. Да, вы – да.

НИЦШЕ. Не говори мне, кто я. Ты ничего об этом не знаешь. Но я знаю о тебе все. Ты – один из его шпионов, так? Бог посылает своих шпионов, чтобы приглядывать за мной, потому что я знаю его секрет.

МУНК. И что это за секрет?

НИЦШЕ. Если я тебе скажу, это секретом уже не будет.

МУНК. Но вы знаете, и это все равно секрет.

НИЦШЕ. Что ж, точно подмечено, но в действительности это не мой секрет, это секрет Бога, поэтому, пожалуй, я могу тебе сказать. Почему нет? Это секрет его смерти.

МУНК. Бог мертв?

НИЦШЕ. Ш-ш-ш-ш-ш. Он пытается держать это в тайне, но у меня отличный нюх, и я чувствую вонь. Бог, среди прочего, ненавидит меня за исключительное развитое обоняние.

МУНК. Как Бог может ненавидеть вас, если он мертв?

НИЦШЕ. Видишь ли, ненависть Бога ко мне так сильна, что она выходит за пределы его могилы. Это то самое, что обозначается, как Святой Дух. Я раскрыл тайну Троицы. Бог мертв, но он приходит сюда, чтобы преследовать меня, его Сына, как Святой Дух. Хитро, правда? Так что ты здесь делаешь?

МУНК. Я рисую ваш портрет. Посмотрите.

НИЦШЕ. Нет, нет, не хочу смотреть. Это как зеркало. Я никогда не смотрю в зеркало. Зеркало – ловушка, расставленная Богом. Он смотрит на меня из зеркала, и я вижу его пустые глазницы и разлагающиеся пальцы. Нет, с этим я очень осторожен. Так мне удастся сохранять свое здравомыслие. Поэтому они и заперли меня. Я единственный оставшийся здравомыслящий человек, и Бог охотится за мной. Ох, как же он охотится за мной. Бог смотрит на меня из зеркала и видит себя, вот почему он ненавидит меня, потому что он ненавидит себя, а я – его, и это большая проблема человеческой любви, поскольку ты становишься другим, и это заставляет тебя ненавидеть их или их – ненавидеть тебя, или наоборот, или вверх тормашками. Так говорил Заратустра, глава сорок шестая. У тебя, часом, в карманах нет мышей?

МУНК (*отступает от сверкающего безумными глазами НИЦШЕ. Пятится к кровати, в которой ждет ДАГНИ*). Нет, сегодня нет, но есть жевательная резинка. Могу предложить, если хотите.

НИЦШЕ (*в нарастающем возбуждении приближается к МУНКУ*). Видишь ли, дело в том, что никто из ушедших больше не приходит вновь. Никто из тех, кого ты считаешь достойным. Если они уходят, то уходят. Закон вечного возвращения не применим к тому, что ты любишь. Он применим только к боли, унижению и другим гротескным формам страдания. Когда уходит любимая, она уходит навсегда и на веки вечные. Так говорит Заратустра, глава шестьдесят девять. Аминь. Должен бежать, кто-то молится в Питтсбурге, надо открывать окна небес и выливать горшки ангелов на головы жалких человечков. Бог – это любовь. Ха-Ха-ХА-А-А-А-А!

(НИЦШЕ *убегает, с последним ХА-А-А-А-А толкает МУНКА в грудь, тот плюхается на кровать, ДАГНИ обнимает его сзади и укладывает его голову себе на плечо*).

5. Любовники

(Берлин, 1893 г. ДАГНИ обнимает МУНКА на кровати, ее голова на его плече).

ДАГНИ. Какой ты хороший любовник, Эдди. Очень страстный, но и очень грустный. Это вызывает у тебя грусть?

МУНК. Все животные грустные после случки.

ДАГНИ. Я – нет. Может, я – да. Ты опять кого-то цитируешь? И почему ты всегда одеваешься и работаешь после того, как мы занимаемся любовью?

МУНК. У меня это вызывает неодолимое желание работать. Не знаю, почему.

ДАГНИ. Может, это избавляет от грусти. Но секс должен избавлять от грусти. Ты такой загадочный. Мне это нравится. Если я понимаю человека, он становится мне скучен, и я ищу кого-то еще.

МУНК. То есть, чтобы избавиться от тебя я должен перестать быть загадочным?

ДАГНИ. Но ты не хочешь избавиться от меня. Опять же, с тобой та же история. Я интересую тебя, потому что ты меня не понимаешь. Но иногда я задаюсь вопросом, нравлюсь ли тебе?

МУНК. Я ничего не понимаю, мне мало кто нравится, но ты мне нравишься, должен это признать.

ДАГНИ. Я бы нравилась тебе так сильно, не будь я такой красивой?

МУНК. Ты бы нравилась мне также. Я бы просто с тобой не спал.

ДАГНИ (*бьет его по затылку*). Видишь? Это доказывает, какие пустые и глупые мужчины, но также и то, что я люблю тебя больше, чем ты – меня, потому что я сплю с тобой, а ты – не красавец.

МУНК. Правда? А я думал, что красавец.

ДАГНИ. На самом деле ты довольно красив, но не так, как я. Особенно мне нравятся твои глаза. Я могу заглянуть в них так глубоко, что вижу Бога, где-то в них прячущегося. А может, дьявола. Кого-то, где-то, в очень темном и далеком месте. Мою судьбу.

МУНК. Почему ты плачешь, когда я занимаюсь с тобой любовью?

ДАГНИ. Я не плачу.

МУНК. Плачешь. Только тогда я и вижу тебя плачущей. Я вызываю у тебя грусть?

ДАГНИ. Ты счастлив во время секса и грустишь после, я грущу во время секса и счастлива после. Может, я счастлива, потому что все закончилось. Я не знаю, что это означает. Но пока и ты не будешь знать этого наверняка, я останусь такой же загадочной для тебя, как ты – для меня, и ты будешь любить меня чуть дольше, по крайней мере, пока не поймешь меня лучше или я не начну стареть или превращаться в уро-

дину. Но до этого еще далеко, так, Эдвард?

(Но МУНК уже отошел к мольберту и начал рисовать. В раздражении она надевает халат и выходит из комнаты в тот самый момент, когда раздается громкий стук в дверь, которая в глубине сцены).

6. Стриндберг

(СТРИНДБЕРГ стучится в дверь МУНКА в Париже, году в 1896).

СТРИНДБЕРГ (*стучит в дверь*). МУНК! МУНК!
ПРОСНИСЬ! МНЕ НАДО С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ!

МУНК. УХОДИ, СТРИНДБЕРГ!

СТРИНДБЕРГ. НЕТ! НЕТ! ВПУСТИ МЕНЯ! ВПУСТИ!

МУНК. ДВЕРЬ НЕ ЗАПЕРТА!

СТРИНДБЕРГ (*входит*). Дверь надо запирать. Никогда не знаешь, кто может войти. Париж полон безумцев.

МУНК. Ты знаешь, сколько сейчас времени?

СТРИНДБЕРГ. Времени? Этот вопрос вне времени,
Мунк.

МУНК. Четыре утра.

СТРИНДБЕРГ. Если ты знаешь, зачем спрашивал? Да и какая тебе разница? Ты не спал. Ты работаешь.

МУНК. Об этом и речь.

СТРИНДБЕРГ. Мунк, ты должен мне помочь. Моя жизнь в опасности. Это Поппофский.

МУНК. Кто?

СТРИНДБЕРГ. Поппофский. Ты знаешь. Польский писатель. Наш друг из Берлина, который женился на той шлюхе, как там ее зовут. Поппофский, прости Господи.

МУНК. Пшибышевский.

СТРИНДБЕРГ. Кто?

МУНК. Пшибышевский. Не Поппофский. Станислав Пшибышевский.

СТРИНДБЕРГ. Именно. И он пытается убить меня.

МУНК. Как он может тебя убить? Мы – в Париже. Он – в Берлине.

СТРИНДБЕРГ. Это его не остановит. Он может быть в Берлине, но он также и здесь.

МУНК. Как он может быть в Париже и Берлине одновременно?

СТРИНДБЕРГ. Он очень умный, Мунк. Поэтому такой опасный. Ты должен спрятать меня. У тебя есть шкаф для белья?

МУНК. Август, успокойся. Зачем Пшибышевскому пытаться убить тебя?

СТРИНДБЕРГ. Ты знаешь, почему. Потому что я спал с его ужасной женой.

МУНК. Я не желаю этого слышать.

СТРИНДБЕРГ. Я тоже, но ничего не мог поделать. Она нашла меня неотразимым. Что мне оставалось? Я не хотел показаться бестактным. А кроме того, с ней спали все остальные. Но Пшибышевский как-то все выяснил. Может, сама шлюха ему и сказала. Я этого не исключаю. И теперь он собирается меня убить.

МУНК. Не думаю я, что он убьет тебя из-за этого.

СТРИНДБЕРГ. Да, убьет. Ты не знаешь его так же хорошо, как я. У меня есть доказательство. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО! Водка у тебя есть?

МУНК. Нет.

СТРИНДБЕРГ. Я должен найти водку. У твоих соседей есть водка? Может, я постучусь в соседнюю дверь...

МУНК (*встревоженный такой перспективой*). Нет, подожди. Присядь. Думаю, где-то водка у меня есть. Я знаю, что есть картошка. Я сделаю из нее водку. Но послушай меня. Пшибышевский не хочет никого убивать, заверяю тебя, а если бы и хотел, то не смог бы убить тебя, находясь в Берлине.

СТРИНДБЕРГ. Кто-нибудь нас подслушивает?

МУНК. Надеюсь, что нет.

СТРИНДБЕРГ. Кто-то всегда подслушивает, Мунк. Поверь мне. А теперь я скажу тебе, как этот злодей Поппофский собирается меня убить. (*Это большой секрет. СТРИНДБЕРГ тянет МУНКА вниз, и вот они оба сидят на корточках под плащом СТРИНДБЕРГА, какой мог бы носить и граф Дракула*). Он собирается убить меня с помощью... ЭЛЕКТРИЧЕСТВА!!!

МУНК. Электричества?

СТРИНДБЕРГ. Да. Он дьявольски умен. Собирается поджарить меня электричеством, когда я никак не буду этого ожидать. Я вернусь домой после прогулки по Люксембургскому саду, протяну руку к дверной ручке, и Поппофский сожжет меня польским электричеством, едва я возьмусь

за латунь... Ж-Ж-Ж-Ж-Ж-А-А-А-А-А-Х-Х-Х!!! (*Громкий крик сопровождается хватанием МУНКА за руку, отчего у последнего чуть не случается инфаркт*). Ты ПОНИМАЕШЬ? ПОНИМАЕШЬ? Я берусь за ручку, и тут же Ж-Ж-Ж-Ж-Ж-А-А-А-А-А-Х-Х-Х!!!

МУНК. МОЖЕТ, ТЫ ЭТО ПРЕКРАТИШЬ?

СТРИНДБЕРГ (*трагично*). Я умру. Поджарюсь, как шведский сухарик. Стану черным, как сердце немецкого критика. Я затеряюсь, Мунк, я затеряюсь в великих пустошах мертвых. Ох, Мунк, ты не знаешь, ты не можешь знать, как я страдал после отъезда из Берлина. Никто не может себе представить.

(*СТРИНДБЕРГ отходит, чтобы биться головой о стену. Тем временем появляется СОФИ, в Осло 1877 г.*)

СОФИ. Эдди, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Никогда больше ни о чем тебя не попрошу. Пожалуйста? Ты единственный, кто может. Эдди, мне суждено умереть, так?

ГАМСУН (*в Экелю, 1943 г., с другой картиной*). А это еще один маньяк, Стриндберг. И тоже был с тобой в Париже, так? После того, как в Берлине наша компания разбежалась, но до тех убийств. Мы с ним всегда друг друга на дух не выносили.

МУНК. В Париже Стриндберг думал, что Пшибышевский пытается убить его на расстоянии, из Берлина, с помощью электричества.

ГАМСУН. Да, это Стриндберг, которого я помню. Может, чем-то, какой-то особенностью своего дефектного мозга, он

чувствовал – должно случиться что-то ужасное. Я помню, он убеждал себя, что спал с этой Юль. А может, и спал. Я думаю, все спали. Кроме меня. Мне она не очень нравилась, если честно, хотя когда впервые появилась в «Черном поросенке» и встретилась со всеми нами, выглядела такой невинной. Это ты привел ее к нам, правильно? Вероятно, не следовало тебе это делать.

7. В хомуте

(ДАГНИ вернулась, одетая, в берлинские апартаменты МУНКА, 1893 г.)

ДАГНИ. Эдди, почему ты не берешь меня с собой, когда уходишь вечером?

МУНК. Я постоянно беру тебя с собой.

ДАГНИ. Только не в «Черного поросенка». Ты меня стыдишься?

МУНК. Только чуть-чуть.

ДАГНИ. Я думаю, стыдишься, иначе познакомил бы меня со своими друзьями.

МУНК. Не уверен, что это место тебе понравится.

ДАГНИ. Это хорошо, что ты решаешь за меня. Тем самым у меня отпадает необходимость решать самой.

МУНК. Есть у меня чувство, что не стоит мне приводить тебя туда.

ДАГНИ. Может, там ты встречаешься с другими женщинами.

МУНК. Давай без глупостей.

ДАГНИ. Ага, теперь я глупая, так? Ты думаешь, я слишком глупая, чтобы говорить с твоими друзьями?

МУНК. Нет, я думаю, они слишком глупые, чтобы говорить с тобой?

ДАГНИ. Я правда хочу пойти.

МУНК. Почему это так важно?

ДАГНИ. Не знаю. Ты так интересно об этом рассказываешь. Все эти писатели и художники. Мне нужно общаться с людьми, Эдди.

МУНК. Дагни, иногда, знаешь ли, мне надо менять обстановку.

ДАГНИ. То есть время от времени тебе нужно избавляться от меня.

МУНК. С тобой я в безопасном месте, отгородившись от выпивки, разговоров и шума. Но если ты станешь частью того мира, я не смогу уходить от него, даже оставаясь с тобой. Ты понимаешь?

ДАГНИ. Это то, что нужно тебе. А как насчет того, что нужно мне? Я приехала из Осло не для того, чтобы сидеть в твоей комнате и ждать, когда ты вернешься домой. Мне нужны новые ощущения, общение с другими людьми. И если ты не приведешь меня туда, я приду сама.

МУНК. Хорошо. Раз это так много значит для тебя.

ДАГНИ. Спасибо, Эдди. Обещаю, ты не пожалеешь. *(Обнимает и целует его).*

НИЦШЕ *(наблюдая, как целуются МУНК и ДАГНИ, обнимаются, шепчутся, готовятся к уходу)*. Наша судьба контролирует нас задолго до того, как мы представляем себе, что должно произойти. Будущее определяет настоящее. Только на днях я говорил с собой, на самом деле, молился, а по-

сколько я – Бог, мне приходится говорить с собой или никто не ответит. Но я сказал кое-что интересное в ответ на очень каверзный вопрос, который задал себе. Я сказал, что тот, кто выходит сражаться с монстрами, должен осознавать, что в процессе он сам станет монстром. Довольно глубоко для мертвеца, правда? Я надеюсь, вы не обращаете на меня особого внимания, поскольку я совершенно безумен, как, впрочем, и мертв, и вы ощутите мою вонь даже в соседней галактике, если ветер будет дуть в нужном направлении. Но запомни, Мунк, даже если ты не запомнишь ничего другого, когда ты долго и пристально в бездну, бездна долго и пристально смотрит на тебя. И что, черт побери, это означает?

8. Писатели

(«Черный поросенок», Берлин, 1893 г. МУНК и ДАГНИ только что пришли. Там ГАМСУН, на пятьдесят лет моложе, СТРИНДБЕРГ, ПШИБЫШЕВСКИЙ, НЕМКА и РУССКИЙ).

ПШИБЫШЕВСКИЙ. А вот и он. Где ты пропадал, Мунк? Мы не видели тебя целую вечность. И кто это ослепительное существо, которое ты привел с собой? Неужели это та таинственная норвежская натурщица, которую ты так долго держал при себе?

МУНК. Это Дагни Юль, из Осло. Дагни, это Кнут Гамсун, Август Стриндберг и Станислав Пшибышевский, все писатели, норвежский, шведский и польский соответственно, и при этом самонадеянные, нелепые и безумные, это уже относится к каждому.

СТРИНДБЕРГ. Ваша слава опережает вас, дорогая моя. Мы видели, как Эдвард бродил с вами по городу, но до сего дня не могли убедить его привести вас сюда, чтобы мы могли познакомиться. Представить себе не могу, почему.

ДАГНИ. Я тоже. Я люблю писателей. Писатели всегда возбуждали меня.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. И вы, нет у меня ни малейших сомнений, всегда возбуждали писателей.

ГАМСУН. Эдвард, что наконец-то убедило тебя привести ее в это жуткое логово греха?

СТРИНДБЕРГ. Готов спорить, убедила она.

ДАГНИ. Да, в конце концов, Эдди всегда делает то, чего я от него хочу. Иногда борьба идет нешуточная. Он очень милый, когда не мрачный, но в последнее время с ним становится немного скучно.

СТРИНДБЕРГ. Тогда мы с вами идеально подходим друг дружке. Пусть я редко милый и часто мрачный, но скучным не бываю никогда.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Все потому, что ты психически ненормальный.

СТРИНДБЕРГ. Это да, но я полагаю это достоинством, Поппофский.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Пшибышевский. Не Поппофский. Пшибышевский.

СТРИНДБЕРГ. Ни один здравомыслящий человек западнее Гданьска сможет произнести Пшибышевский. Я не думаю, что даже ты произносишь ее правильно. В любом случае, поскольку я психический ненормальный, я, естественно, ни за что не несу ответственности.

ДАГНИ (*обращаясь к НЕМКЕ, которая застенчиво смотрит на нее*). Привет.

НЕМКА. Ты очень красивая.

ДАГНИ. Спасибо.

НЕМКА. Я – подруга Стэнни.

ДАГНИ. Поляка? Он мне нравится. Такой красавчик. Он такой же злой, каким выглядит?

НЕМКА. Нет. Он совсем не злой. Немножко другой. Я надеюсь, мы подружмся.

ДАГНИ. Я уверена, мы станем близкими подругами.

НЕМКА. Это хорошо. Друзей у меня немного. Только Стэнни. Мне пора, надо приглядеть за детьми. Я оставила их одних. Не следовало мне этого делать, но я чувствую себя такой одинокой.

ДАГНИ. А твой муж...

НЕМКА. Приятно было познакомиться. Ты такая красивая. До свидания. (*Уходит*).

СТРИНДБЕРГ. Это дети Поппофского.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Пшибышевского.

СТРИНДБЕРГ. То есть ты признаешь, что они твои.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Мне приятно так думать.

ДАГНИ. Бедная женщина родила от вас, а вы на ней не женились?

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Был слишком занят, потому что я — гений. Позвольте рассказать вам об этом.

(*ПШИБЫШЕВСКИЙ обнимает ДАГНИ и уводит в глубину сцены, что-то нашептывая на ухо. МУНК наблюдает, ему это не нравится. ДАГНИ смеется*).

РУССКИЙ. Твоя подруга заворачивает, Мунк.

МУНК. Да.

РУССКИЙ. Тот, кому принадлежит такая женщина,

счастливчик.

МУНК. Никто не владеет женщиной. Никто ничем не владеет.

РУССКИЙ. В России мы владеем. Ты почувствовал, как твоя судьба только что тихонько сюда вошла?

ДАГНИ. Я знаю, здесь мне понравится. У меня появится много интересных друзей.

ГАМСУН. Я в этом уверен.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Тост. За прекрасную подругу Мунка, Дагни Юль.

(Они пьют, ДАГНИ сияет, она в центре внимания, окружена обожанием мужчин. МУНК пьет, печальный, молчаливый).

9. Весна

(СОФИ в кресле у кровати, смотрит в окно. Осло, 1977 г. Все в «Черном поросенке» остаются на своих местах, безмолвные, но не застывшие. МУНК поворачивается к СОФИ, когда она говорит).

СОФИ. Я была такой красавицей. Теперь я не красавица, правда, Эдди? Лицо бледное, волосы выпадают. Я думала о солнце, о весне за окном, но смотреть на нее мне не хочется, потому что не могу я насладиться ею, даже прикоснуться к ней. Вот я и сижу в свете дня, чувствую, как ветерок врывается в окно, вижу, как надуваются занавески, ощущаю запах весны и чувствую, как все весны, которые могли бы быть моими, крадут у меня одну за другой по мере того, как я приближаюсь к смерти. Мне так хочется прикоснуться к весне, прикоснуться к дождю, прикоснуться ко всему, а я не могу. Мне остается только сидеть в комнате, слушать тиканье маминых часов и ждать смерти, как ждала она. Весна – это конфетка, которой дразнят ребенка, но не дают ему. Я этого не вынесу. Просто не вынесу.

МУНК. Ты поправишься, Софи.

СОФИ. Мама не поправилась.

МУНК. Ты моложе и сильнее, чем была мама.

СОФИ. Мама была молодой. Эдди, сделаешь кое-что для

меня?

МУНК. Для тебя я сделаю, что угодно.

СОФИ. Когда все остальные уйдут в церковь, а ты останешься, чтобы приглядывать за мной, я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Сделать это можешь только ты. И ты должен мне пообещать. Что бы ни сказал папа. И я не могу сказать тебе, что это, пока все не уйдут. Ты обещаешь?

МУНК. Хорошо. Обещаю. (*Смотрит на нее*).

10. Автопортрет с рукой скелета

(«Черный поросенок» оживает. МУНК и ДАГНИ, ПШИ-БЫШЕВСКИЙ и РУССКИЙ. ГАМСУН ушел, СТРИНДБЕРГ напился, уткнулся головой в стол).

ДАГНИ. Эдди, о чем ты думаешь? У нас такая захватывающая дискуссия о зарождении художественного творения, а ты где-то в миллионе миль.

МУНК. Насчет творения я ничего не понимаю.

ДАГНИ. Я не думаю, что есть какое-либо творение. Что есть, так это жизнь, которая твоими стараниями должна быть максимально наполненной до того момента, как Бог тебя убьет.

МУНК. Нет, творение есть, на основе твоей жизни. Душа пожирает жизнь и творит из пожранного, придает определенную форму.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. На самом деле это не творение. Просто перестройка и очистка.

ДАГНИ. Если речь только о различных комбинациях известных элементов и соединении их заново, почему бы нам не перестать заниматься этим и просто начать жить?

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Но сама жизнь – процесс перестройки и очистки. То есть художник просто делает то самое, что делает Бог.

ДАГНИ. Если Бог от всего этого становился таким же несчастным, как Эдди, думаю, он перестал бы творить и занялся чем-то другим. Надеюсь Бог не получает удовольствия, наблюдая, как мы страдаем.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Он приводит вселенную в движение, потом идет дальше.

РУССКИЙ. Да только зная все, он в курсе того, что случится, а потому будет нести ответственность за ее продолжающееся расширение.

ДАГНИ. Может, он привел вселенную в движение, а потом его растоптало стадо слонов.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. С его стороны это совершенно безответственно.

РУССКИЙ. Если я кому и сочувствую, так это слонам.

ПШИБЫШЕВСКИЙ. Стриндберг, а ты что думаешь?

(Все поворачиваются, чтобы взглянуть на СТРИНДБЕРГА, который поднимает палец, открывает рот, чтобы ответить, а потом валится со стула на пол. Они смотрят на него, распластавшегося на полу).

МУНК. Я согласен со Стриндбергом.

(Все, кроме МУНКА, поднимаются, чтобы помочь упавшему шведу. Подходит НИЦШЕ, качает головой)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.